

СОВРЕМЕНИК

ЖУРНАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ
МЫСЛИ

Под редакцией профессора Л. И. Страховского

*Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой,
Что с гордостью я всем сказать могу, я — русский,
Что пламенем одним с Россией я горю.*

АПОЛЛОН МАЙКОВ

№ I. Март 1960 г.

Торонто — Канада

Бор. Зайцев

"Архиерей" Чехова

По случаю столетия со дня рождения А. П. Чехова

Рассказ этот невелик, но сидел в Чехове пятнадцать лет. Два года томил он этим рассказом В. С. Миролюбова — обещал и все не высылал. (Но ведь это были последние годы Чехова, он все болел!). Наконец, в феврале 1902 г. прислал, а в апреле рассказ появился в миролюбовском "Журнале для всех". "Архиерей" никакого шума не произвел. Он не для шума и был написан. Шумели тогда Горький, Андреев. А Чехов просто дал одно из замечательнейших украшений литературы нашей и никто этого не заметил.

В Чехове, под более внешним (наблюдательность, остроумие), таилось и нечто подземное, совсем в другом роде. С годами, в страданиях болезни, в одиноких ялтинских созерцаниях, в ощущении близкого конца ("Пять годочков" бы прожить), оно росло, просветлялось, искало выхода и нечто открывалось ему, о чем разумными словами он сказать не умел. Это был несознанный свет высшего мира, Царствия Божия, которое "внутри вас есть". Молодому, здоровому, краснощекому Чехову времен студенчества, мало оно открывалось. Чехову зрелому было, наконец, приоткрыто. Оттого в молодости он не мог написать "Архиерея" (даже "Студент" — любимый его рассказ — написан не в молодости). "Архиерей"-же есть свидетельство зрелости и предсмертной, несознанной просветленности.

Весь "Архиерей" полон этого света. В "Мужиках" он уже пробился, в повести "В овраге" дал замечательные страницы ночной встречи Липы с мужиками. В "Архиерее" ровное, неземное озарение разлито с первых-же страниц повествования, со всенощной в Вербную субботу до конца. Длинную всенощную служит Преосвященный Петр уже больной. И все волшебю в церкви. Море людей, у всех блестят глаза. Сквозь туман архиерею кажется, что к нему, за вербой, подошла мать, простая женщина, вдова дьячка, которой он не видел девять лет, "и все время смотрела на него с радостной улыбкой, пока не смешалась с толпой. И почему-то слезы потекли у него по лицу."

Да, высший мир присутствовал тогда, на Вербной всенощной Панкратьевского монастыря, он так до конца и будет присутствовать в чудесном произведении этом: и в лунном свете апрельской ночи, и в воспоминаниях о детстве и любви

к нему матери, и в смиренном о. Симеоне, который не мог вспомнить, где в Священном Писании упоминается Иегудиило-ва ослица, и в воспоминаниях архиерея о своей юношеской “наивной вере”, когда носили по деревням икону, и в последней, предсмертной всенощной Великого Четверга, Двенадцати Евангелий, которую служил через несколько дней Преосвященный Петр и “чувствовал себя деятеляльным, бодрым, счастливым” как всегда, когда служил в Церкви. Высший мир и в любви к нему матери, робкой и боящейся его как архиерея.

В дольном, бедном, грешном мире нашем Преосвященному Петру тесно. Он и в болезни вспоминает все о детстве, и о жизни за границей, куда был послан в чудный южный город, где жил уединенно и изящно, писал ученое сочинение. Все это — отзвуки высшего. И вот смерть приходит, наконец: на той-же Страстной приближается она к нему — недаром ему нездоровилось еще на Вербной всенощной (брюшной тиф). Мать явилась к нему в архиерейские покои, он так хочет обласкать ее, помочь ей, племяннице Кате: но уже поздно. Он сразу осунулся, ослабел, перестал чувствовать себя архиереем, грозным начальством, напротив, последним, самым незначительным из всех.

“Как хорошо”, думал он. “Как хорошо”. Мать сразу поняла, что это конец. “Она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его как ребенка, очень близкого, родного.

— Павлуша, голубчик... родной мой! Сыночек мой! Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай-же мне”.

“А он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти куда угодно”.

Шел он, конечно, просто к Богу.

Бор. Зайцев